

Составили поручик Ракович и поручик Лавров
Под редакцией генерал-майора Потто

ТЕНГИНСКИЙ ПОЛК НА КАВКАЗЕ 1819–1846

ПРАВЫЙ ФЛАНГ.
ПЕРСИЯ. ЧЕРНОМОРСКАЯ
БЕРЕГОВАЯ ЛИНИЯ.

**Тенгинский полк на Кавказе.
1819-1846. Правый фланг. Персия.
Черноморская береговая линия**

Православное издательство "Сатись"

2004

Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Правый фланг. Персия.
Черноморская береговая линия / Православное издательство
"Сатись", 2004

ISBN 5-7373-0020-6

В книге рассказывается о начальном периоде боевой деятельности одного из наиболее известных полков Русской Императорской Армии – 77-го пехотного Тенгинского – на правом фланге Кавказской линии (и в Закавказье) 1819 по 1846 год, когда он, переведенный из России на Кавказ, принял видное участие в многолетней и упорной борьбе с горскими народами. Книга будет полезна всем, интересующимся историей России, русской армии и Кавказских войн. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

ISBN 5-7373-0020-6

, 2004
© Православное издательство
"Сатись", 2004

Содержание

Предисловие	8
Краткая хроника тенгинского полка	9
Глава 1	14
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Тенгинский полк на Кавказе. 1819–
1846. Правый фланг. Персия.
Черноморская береговая линия
Составили поручик
Ракович и поручик Лавров**

Составили поручик Ракович и поручик Лавров
Под редакцией генерал-майора Потто

Печатается по изданию Военно-Исторического отдела при штабе Кавказского военного округа.

Тифлис, 1900

В оформлении обложки использована картина поручика Тенгинского полка Е. Геевского «Взятие штурмом горского аула 2-м батальоном Тенгинского полка 27 сентября 1836 г.»

Шеф Тенгинского полка
Его Императорское Высочество Великий князь Алексей Александрович

© Издательство «Сатисъ», оригинал-макет, оформление, 2004
© Составление А. В. Елинский, 2004

Предисловие

25-го июня 1900 года исполнилось двести лет боевой и мирной жизни 77-го пехотного Тенгинского Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича полка.

На рубеже начала третьего столетия полк пожелал оглянуться назад и запечатлеть в памяти потомства знаменательнейшие события из прошлой своей жизни, издав летопись верной и самоотверженной службы полка Царю и Отечеству.

Но труд, обнимающий двухсотлетний период всех войн, которые вела за это время Россия в Европе и в Азии, требует весьма продолжительных и сложных архивных изысканий; поэтому он и не мог быть выполнен своевременно. Вследствие этого, полк вынужден был ограничиться изданием к знаменательному дню юбилея только той части своей истории – с 1819 по 1846 год, когда он, переведенный из России на Кавказ, принял видное участие в многолетней и упорной борьбе с горскими народами. Периоды же полковой истории до прихода на Кавказ и следующий за 1846 годом будут изданы впоследствии.

Первоначальная разработка материала, подбор его и, наконец, изложение первых шести глав истории принадлежат поручику Д. В. Раковичу, ныне воспитателю Псковского кадетского корпуса; две же последние главы написаны поручиком А. Г. Лавровым, который принял на себя дальнейшую работу.

Редакция
1900 г.

Краткая хроника тенгинского полка

С 1700 по 1900 г.

1700 г.

25-го июня был сформирован пехотный полк, названный по имени своего первого командира или шефа – полком Ивана Бернера¹.

1701 г.

С 15-го мая полк Ивана Бернера принимал участие в Великой Северной войне со шведами.

1702 г.

11-го октября участвовал при взятии штурмом крепости Нотебурга.

1703 г.

С 25-го по 30-е апреля в осаде и взятии крепости Ниеншанц, на месте которой заложен Петром Великим С.-Петербург.

1704 г.

С 10-го июля по 6-е августа в осаде и взятии штурмом крепости Нарвы.

1705–1706 гг.

С 25-го сентября в военных действиях в Польше.

1705 г.

5-го сентября при взятии штурмом укрепленного замка Митау.

1706 г.

Весною в отступлении из г. Гродно. После этого полк Ивана Бернера был направлен вместе с другими полками во вновь завоеванные провинции Прибалтийского края.

1708 г.

Полк был поставлен в Белозерской провинции и, согласно новому распоряжению Петра I был наименован по этой провинции Белозерским.

1712 г.

29-го декабря Белозерский полк был перечислен в состав гарнизонных войск С. – Петербургской губернии. Здесь же стояли, кроме Белозерского, еще гарнизонные полки Фразера, Колтовского и Бухгольца.

1725 г.

По приказу Императрицы Екатерины I, назван Кронверкским.

1727 г.

Император Петр II приказал назвать полки опять по именам тех городов, в которых они стоят, поэтому Кронверкский полк получил опять название Копорского².

1764 г.

В царствование Императрицы Екатерины II произошло переформирование гарнизонных полков. Взамен их было образовано 84 гарнизонных батальона. На основании этого переформирования, каждый из четырех гарнизонных полков, стоявших тогда в С.-Петербурге: Невский, Петербургский, Ямбургский и Копорский (Ивана Бернера, Белозерский, Кронверкский) был разделен на два отдельных батальона, из которых в С.-Петербурге было оставлено пять, в том числе один, образованный из Копорского полка³.

1796 г.

¹ «Хроника кавказских войск» А. Л. Гизетти.

² П.С.З. Т.VII, № 5196. Барон Штенгель. «Настольный хронологический указатель», стр. 34.

³ П.С.З. Т.VIII, № 12135.

29-го ноября Император Павел I повелел из лучших людей этих пяти гарнизонных С.-Петербургских батальонов сформировать один двухбатальонный мушкетерский полк. Этот полк был назван мушкетерским генерал-от-инфантерии Архарова 1-го полком по имени своего шефа. Был расположен в С.-Петербурге и состоял в 1-й С.-Петербургской дивизии⁴.

1797 г.

14-го сентября назван мушкетерским генерал-майора графа Эльма полком.

В том же году 18-го декабря Император Павел I лично пожаловал нашему полку простые знамена⁵.

1798 г.

18-го октября назван мушкетерским полком генерал-майора Уколова. 21-го октября – снова полком генерал-майора графа Эльма.

1800 г.

31-го марта назван Тенгинским мушкетерским⁶.

1802 г.

Тенгинский полк, согласно полученных новых штатов, был приведен в трехбатальонный состав. Каждый батальон состоял из четырех рот: одной гренадерской и трех мушкетерских⁷.

1806 г.

Тенгинский полк, находясь в составе 4-й пехотной дивизии кн. Голицына участвовал в войне с Францией. 11-го декабря— в упорном бою с французским корпусом Ожеро у Сохочина за переправу через реку Вкру;

14-го декабря – в сражении под г. Пултуском.

1807 г.

22-го января – в упорном бою с французами у м. Бергфрида, в составе отряда графа Каменского; 26-го и 27-го января – в сражении у г. Прейсиш-Эйлау; 24-го мая – в деле у сел. Альткирх; 26-го и 27-го мая – при переправе через реку Пассаргу; 29-го и 30-го мая— в кровопролитном сражении под г. Гейльсбергом; 2-го июня – в сражении под Фридляндом.

1898 г.

22-го июля Тенгинский полк выступил в составе 4-й пехотной дивизии князя Голицына из Петербурга в Финляндию, где шла война со Швецией;

15-го октября принимал участие в сражении при мызе Индесальми.

1809 г.

7-го августа – в победоносном сражении при г. Севаре, в отряде графа Каменского; 13-го сентября Тенгинский полк выступил из Финляндии в Россию.

1811 г.

22-го февраля полк назван пехотным.

1812 г.

Тенгинский пехотный полк принимал участие в Отечественной войне с французами. Он находился в составе войск корпуса графа Витгенштейна, предназначенного охранять от французов пути наступления на Ригу и Петербург; 19-го июля Витгенштейн разбил французского генерала Удино у д. Клястиц; 20-го июля совершилось новое поражение французов у д. Головчицы; 30-го июля Тенгинский полк принял снова участие в жарком бою у мызы Свольны; 5-го и 6-го августа – в кровопролитном сражении под г. Полоцком; 6-го, 7-го и 8-го октября – после упорного боя, во взятии этого города от французов; 19-го октября – в поражении французов при м. Чашники; 1-го и 2-го ноября – в кровопролитном бою при мызе Смолянцы, после кото-

⁴ П.С.З. Т. XXIV, № 17581. Барон Штенгель. «Настольный хронологический указатель», стр. 35. Св. шт. к. № 17606.

⁵ «Хроника рос. Имп. армии». Сост. кн. Долгорукий 1799 г. № 82.

⁶ А. Л. Гизетти. «Хроника кавказских войск»

⁷ Барон Штенгель. «Настольный хронологический указатель», стр. 94.

рого французы отступили к Черее; 15-го ноября— в пленении целой французской дивизии под г. Борисовым. После этого корпус Витгенштейна, а с ним и Тенгинский полк перешел в Пруссию и здесь до конца войны преследовал остатки французских войск; 22-го декабря наш полк участвовал в сражении с французами под прусским городом Лабау.

1813 г.

24-го и 25-го февраля Тенгинский полк участвовал в блокаде крепости Кюстрина и в отражении вылазок. 8-го марта Тенгинский полк вступил в Берлин и здесь присоединился к войскам графа Витгенштейна. 20-го апреля принимал участие в сражении при местечке Люцене. 9-го мая – при Бауцене. С 10-го по 16-е мая— в нескольких сражениях с французами. 14-го и 15-го августа— в сражении под городом Дризенем. Здесь Тенгинский полк состоял в отряде генерала Гельфрейха, поставленного у кр. Кенигштайн для наблюдения за переправой через р. Эльбу, а затем перешедшем к Геннерсдорфу. 17-го и 18-го августа – в упорном и кровопролитном сражении при деревне Кульме, под начальством гр. Остермана-Толстого, Ермолова и, затем, Барклая-де-Толли. 2-го сентября – при дер. Кениксвейде и Петерсвейде. 3-го сентября – при Юсен-Зибеле. 28-го сентября – при гор. Борна. 4-го, 6-го и 7-го октября – в великой Битве Народов под гор. Лейпцигом.

1814 г.

С начала января по 17-е февраля того же года Тенгинский полк, в составе 14-й пехотной дивизии, занят был блокадой крепости Пфальцбург.

8-го и 9-го марта Тенгинский полк участвовал в упорном сражении под г. Арси, окончившемся взятием этого города. 17-го августа— в атаке французского корпуса Кампана при м. Ливри и оттеснении его к Парижу. 18-го марта – в штурме парижских предместий Роменвиль и Пантен, окончившемся взятием гор. Парижа.

За подвиги в боях 1812, 1813 и 1814 годов и особенно в сражении под г. Лейпцигом 4-го октября 1813 года Тенгинскому пехотному полку Высочайше пожалован был «Гренадерский барабанный бой» (ныне поход за военное отличие). Все офицеры и солдаты получили серебряную медаль «за взятие гор. Парижа в 1814 году».

Указом Императора Александра I от 19-го апреля Тенгинский полк был передвинут на Кавказ, куда выступил 25 апреля и прибыл в кр. Георгиевскую 30 августа того же года. Штаб-квартира Тенгинскому полку была назначена в кр. Константиногорской и Кисловодской. По прибытии сюда он был укомплектован личным составом Суздальского пехотного полка и принял трехбатальонный состав. Кадр Суздальского пехотного полка в том же году выступил в Россию.

1820 г.

С 7-го по 14-е марта Тенгинский полк (две роты) совершили свою первую на Кавказе экспедицию в Чечню. Под начальством полковника Грекова 1-го.

1822–1825 гг.

В эти четыре года Тенгинский полк принимал участие в экспедициях: в Кабарду к вершинам Баксанских гор, под начальством генерал-от-инфантерии Ермолова, и за р. Кубань, в земли абадзехов, под начальством ген. Вельяминова.

1827–1829 гг.

21-го мая, по случаю начавшейся войны с Персией, Тенгинский полк выступил с Кавказа в г. Старую Шемаху Ширванского ханства, куда прибыл 11-го июля. 12-го июля 1-й батальон Тенгинского полка выступил к м. Сальяны для преследования скопища персиян. 25-го июля имел стычку с персиянами в Муганской степи. 17-го ноября 1827 года весь полк совершил движение к персидской крепости Ардебиль и занял ее. В начале 1830 года возвратился обратно на Кубань.

1830–1833 гг.

Тенгинский полк совершил экспедиции за Кубань, под начальством главнокомандующего графа Паскевича-Эриванского. Генерал-от-кавалерии Емануэля и генерал-майора Фролова.

1834 г.

21-го марта 3-й батальон Тенгинского полка отчислен на составление Кавказского линейного № 3 батальона, а к полку присоединены 1-й и 2-й батальоны упраздненного Крымского пехотного и 2-й батальон упраздненного Козловского пехотного полков, и полк переформирован в пятибатальонный состав: 1-й и 2-й батальоны остались прежние своего полка, 3-й и 4-й батальоны составились из 1-го и 2-го батальонов Крымского полка, а 5-й резервный из 2-го батальона Козловского полка.

1834–1836 гг.

В эти три года Тенгинский полк совершил несколько экспедиций за Кубань для усмирения беспокойных горцев, проведения дороги от Ольгинского тет-де-пона к Геленджику и устройства укреплений Абинского и Николаевского.

1837–1840 гг.

В течение этих трех лет участвовал в непрерывных экспедициях для устройства Черноморской береговой линии, конвоировал транспорты от Ольгинского к Абинскому укреплению и занимал отдельными ротами береговые укрепления, которые мужественно оборонял от нападения горцев: 2-я гренадерская рота – в форте Раевском; 3-я гренадерская – в укр. Новороссийском; 7-я мушкетерская – в форте Головинском; 8-я мушкетерская – в укр. Тенгинском; 9-я мушкетерская – в укр. Михайловском; 4-я мушкетерская – в форте Лазаревском и 10-я мушкетерская – в укр. Абинском.

1840 г.

22-го марта гарнизон Михайловского укрепления. Чтобы не дать живыми в руки 12-тысячному скопищу горцев, поднял себя на воздух. Взрыв совершил рядовой 9-й мушкетерской роты Тенгинского полка Архип Осипов.

1841 г.

Тенгинский полк в полном составе участвовал в экспедиции в земли непокорных убухов, к укр. Св. Духа. 14-го июня сформирован 6-й резервный батальон Тенгинского полка, вошедший в состав резервной дивизии отдельного Кавказского корпуса.

1842–1845 гг.

За эти четыре года Тенгинский полк участвовал в постоянных экспедициях за Кубань и устраивал станицы и укрепления по Лабинской линии.

1846 г.

18-го апреля 4-й батальон Тенгинского полка, под начальством полковника того же полка Левковича, выдержал жаркий и мужественный бой с 5-тысячным скопищем Шамиля на переправе через реку Терек, возле ст. Урухской. 15-го мая весь Тенгинский полк перешел из Черномории в Нальчик, а в 1847 году – во Владикавказ.

1846–1859 гг.

Со времени прибытия на левый фланг Тенгинский полк каждый год принимал участие в летних и зимних экспедициях против Шамиля и его сподвижников Хажди-Мурата, Даниэль-бека и других, в Большой и Малой Чечне и на Кубани, под начальством генерал-лейтенанта Фрейтага, генерал-майоров: барона Вревского, Слепцова, Козловского, Нестерова, кн. Барятинского и Евдокимова; полковников: Бакланова, Веревкина, Кемпферта и Баженова.

1854–1855 гг.

С 22-го апреля 1854 г. по 29-е декабря 1855 года 1-й, 4-й и 5-й батальоны были двинуты в Закавказье для занятия Лезгинской кордонной линии. 29-го декабря 1855 года 4-й и 5-й батальоны выступили к Кутаису в состав Гурийского отряда, а 1-й батальон остался в Тифлисе. 5-го августа 1856 года все батальоны возвратились обратно во Владикавказ.

1856 г.

9-го февраля из лучших стрелков сформированы для каждого батальона стрелковые роты.

1859 г.

С 1-го января Тенгинский полк, в составе главного Чеченского отряда, под начальством генерал-лейтенанта Евдокимова. Генерал-майора Кемпферта и командира полка полковника Баженова, принимал участие в постепенной осаде укрепления Ведень и в геройском штурме его 1-го апреля.

1860 г.

18-го февраля Ему батальону Тенгинского полка пожаловано Георгиевское знамя с надписью: «за отличие при взятии штурмом Андийского редута 1-го января 1859 года». Всем же четырем батальонам пожалованы знаки на шапках с надписью: «за покорение Чечни в 1857, 1858 и 1859 годах».

25-го марта полк назван 77 пехотным Тенгинским.

1868 г.

19-го июня назван 77 пехотным Тенгинским Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича.

1874 г.

1-го августа 4-й батальон поступил на составление 163-го пехотного Ленкоранского полка. А из стрелковых рот сформирован новый стрелковый батальон.

1877 г.

С февраля месяца по октябрь Тенгинский полк принимал участие в подавлении восстания в Чечне.

1879 г.

6-го января 1-му, 3-му и 4-му батальонам Тенгинского полка пожалованы Георгиевские трубы с надписью: «за умиротворение горских племен Терской области в 1877 году».

1894 г.

17-го августа Тенгинский полк выступил из г. Владикавказа на новую стоянку в Закавказье, г. Ахалцих.

1900 г.

25-го июня 77-му пехотному Тенгинскому полку. По случаю двухсотлетнего служения Царю и Отечеству, Высочайше пожаловано Георгиевское знамя и юбилейные Александровские ленты с надписью: «за оборону крепости Баязета 20-го и 21-го июня 1829 года и за отличие при взятии штурмом Андийского редута 1-го апреля 1859 года».

Глава 1

Необходимость усиления грузинского корпуса. Указ Императора Александра I. Собственноручная записка Ермолова о слитии полков. Передвижение Тенгинского полка на северный Кавказ. Прибытие в Георгиевск. Полковники Оранский и Максимович. Недоразумения по сдаче полка. Приказ по полку. Список коренных тенгинцев. Описание театра военных действий. Наша оборонительная линия. Устройство станиц, постов, землянок, столбняков и штаб-квартир. Горские народы северного Кавказа. Их образ действий. Быт офицеров и солдат полка. Строевое образование. Учебные команды. Санитарные условия. Казенные работы. Участие тенгинцев в устройстве минеральных вод.

В 1819 году Тенгинский полк, едва успевший отдохнуть от целого ряда утомительных кампаний 1812-15 годов, был передвинут в числе 10-ти других полков на новый театр военных действий – на Кавказ. Передвижение это было вызвано необходимостью существенным образом усилить численный состав кавказских войск, некомплект которых, вследствие боевой убыли и смертности от болезней, достигал громадной цифры – 27-ми тысяч.

Ко времени вступления полка в состав отдельного Грузинского корпуса, т. е. к 1819 г., владения России на Кавказе простирались от берегов Каспийского и Черного морей до берегов Кубани и Терека, где и расположены были наши пограничные посты, охранявшие южные губернии от хищнических набегов горцев, живших к югу от названной черты. Узкая полоса Военно-Грузинской дороги, идущая долинами верхнего Терека и Арагвы, соединяла Кавказскую линию с закавказскими владениями России, где нам принадлежала Грузия, в 1801 году принявшая русское подданство, и, затем, присоединенные трактатом 12-го октября 1813 года персидские ханства: Карабахское, Шушинское, Нухинское, Ширванское, Ганжинское (переименованное в Елисаветпольскую провинцию). Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышинское. А также весь Дагестан. На западе границы наши непосредственно соприкасались с турецкими владениями: Ахалцихскою провинциею и всем восточным побережьем Черного моря⁸. Главным начальником Кавказского края в то время был знаменитый герой войны, генерал-лейтенант Алексей Петрович Ермолов, который с первых же моментов своего прибытия на Кавказ (в конце 1817 года), пришел к весьма неутешительным выводам относительно общего положения наших дел.

В новых владениях наша власть еще далеко не утвердилась, произвол царил всюду; жалобам на злоупотребления не было конца; непрерывные грабежи и разбои сильно препятствовали мирным занятиям наших первых русских поселений по Кавказской линии. Политику своих предшественников, относительно представителей разных ханств и горских племен, генерал Ермолов не только не разделял, но и считал ее в корне вредною. Практиковавшаяся до сих пор система подкупов и задабриваний, а также заключение всевозможных мирных трактатов и письменных условий не только не сдерживали горцев от вторжения в наши границы, но и порождали в них обратное – алчность и «стремление набегами вынудить Россию платить им дань». Генерал Ермолов писал Государю Императору⁹, что с этим населением, привыкшим веками к разбоям и насилиям, нужно решать вопросы силою и следовательно переменить образ действий, начав «постепенную атаку Кавказских гор. Кавказ – это огромная крепость: надобно

⁸ Дубровин «А.П. Ермолов на Кавказе» Воен. Сбор. 1882 г. № 2, стр. 205.

⁹ Письмо от 22-го февраля 1819 г. Приложение к запискам Ермолова. Дубровин «А.П. Ермолов на Кавказе» Воен. Сбор. 1882 г. № 4. Потто «Кавказская война в отдельных очерках», II, вып. 1-й.

штурмовать ее или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого и успех неверен, так обложим же ее».

Таким образом необходимо было изменить всю систему действий на Кавказе, но с теми незначительными силами, которые были тогда в распоряжении Ермолова, ничего нельзя было сделать. Их едва хватало на пассивную охранительную службу. Войска, уменьшенные почти вдвое значительной смертностью, едва могли содержать кордонные посты, конвоировать транспорты и сопровождать оказии¹⁰. Неоднократные просьбы Ермолова об усилении Грузинского корпуса, вызвали, наконец, Высочайший указ Александра I от 19-го апреля 1819 года, приводимый здесь в извлечении.

...«Я могу временно выслать под начальство Ваше десять полков пехоты с тем предположением, чтобы ими укомплектовать Грузинский корпус, чего присылкою рекрутов никогда не достигалось, ибо от столь дальнего перехода и непривычки переносить трудности, потеря в оных была всякий раз весьма чувствительна. Укомплектование сие Я нахожу нужным привести на следующем основании: число полков, составляющих Грузинский корпус, оставить прежнее, т. е. 8 пехотных, 4 егерских, 2 гренадерских и 1 карабинерный, итого 15 полков.

Каждый из сих полков предписываю привести в 3900 человек, разумея 300 унтер-офицеров и 3600 рядовых; каждый же батальон будет состоять из 100 унтер-офицеров и 1200 рядовых. Если по сему числу людей Вы найдете нужным прибавить и число офицеров, то дозволяется Вам на каждую роту прибавить по одному, что составит на полк прибавки 12 офицеров; штаб-офицеров положенное число, по 7-ми на полк, нахожу я достаточным...

По постепенному укомплектованию полков, должствующих оставаться в Грузии и на линии, дабы избежать второй путь тем же войскам, предписываю Вам прислать назад кадры следующих полков: Севастопольского, Троицкого, Суздальского, Вологодского, Казанского, Белевского, 8-го, 9-го, 15-го, 16-го и 17-го Егерских. Из оных предоставляю Вам перевести в корпус, Вам вверенный, всех тех штаб и обер-офицеров, коих служба и опытность признана будет Вами полезным в Грузии и на линии. Вы пришлете им списки с обозначением, в которые полки будут Вами переведены. Сим же самым образом Вы укомплектуете по лишнему офицеру в роту. Полки Апшеронский, Ширванский, Куринский, Тифлисский, 41-й и 42-й Егерские должны составить 20-ю дивизию. Полки же Кабардинский, Тенгинский, Навагинский, Мингрельский, 43-й и 45 Егерские – 19-ю дивизию.

Сими распоряжениями Вы будете иметь средство единожды навсегда устроить превосходным образом Грузинский корпус в надлежащую силу».

Таковы были причины, вызвавшие переход Тенгинского полка на Кавказ.

В начале апреля 1819 года командир полка полковник Оранский получил приказание готовиться к новому и дальнему передвижению. А 25-го числа тенгинцы тремя эшелонами, побатальонно, уже выступили налегках, оставив все свое имущество и тяжелый обоз в г. Велиже, Витебской губернии.

Путь был не из легких. Вначале движение затруднялось распутицей в средней полосе России, а затем, когда эшелоны достигли маловодных донских степей, настали удушающие жары. 14-го августа полк, наконец, вступил в Кавказскую область, в крепость Донскую, на бывшей Азовско-Моздокской линии, а еще через две недели был почти у цели похода. 29-го числа батальоны подтянулись и 30-го подошли к Георгиевску, у ворот которого были радушно встречены новым начальником 19-й пехотной дивизии г.-м. Сталем 2-м, поздравившим людей с прибытием на Кавказ и выразившим уверенность, что они в борьбе с горскими народами с такою же славою будут поддерживать честь своих знамен, как и в достопамятные дни Отечественной

¹⁰ На Кавказе в то время числилось: 58 бат. пех., 1 драгун., 9 донск. казачьих полков и 120 орудий; из этого числа 39 бат. и 50 орудий находились в Закавказье, остальные охраняли Кавказскую линию. Янжул. «80 лет боевой и мирной жизни 20 артиллер. бригады».

войны и кампаний 1813 и 1814 годов. Объехав фронт, генерал Сталь долго любовался мужественным видом загорелых солдат, большинство из которых было украшено Георгиевскими крестами; у некоторых виднелись шрамы на лице, – воспоминания о Прейсиш-Эйлау, Фридрихланде, Лейпциге, Париже¹¹, Полк временно был распределен в Георгиевске и окрестных селениях по квартирам и немедленно было приступлено к слиянию его с Суздальским полком.

Еще в апреле месяце генерал Ермолов предписал начальникам кавказских дивизий проинформировать инспекторские смотры в полках (Прил. 1) с целью точно определить число неспособных продолжать полевую службу; затем рекруты последнего набора были распределены по полкам и. таким образом, точно выяснилось сколько людей необходимо было дополнить по новому штату.

К предписанию приложена была следующая таблица о комплектовании 19-й пехотной дивизии¹².

Из Тенгинского полка в Суздальский:
2-го батальона.....весь
3-го батальона.....3 роты
1-го батальона сколько нужно на дополнение по новому комплекту. Остальные затем сего батальона люди в Казанский полк.
1-я и 3-я гренадерские роты в Херсонский гренадерский полк.
И т. д. (Прил. П).
«Суздальский полк комплектуется немедленно и принимает именование Тенгинского полка».

То же самое было сказано и относительно других полков дивизии.

По приходе полка распределение людей произведено было по следующей таблице:

Из прибывшего из России Тенгинского полка, в составе: 7 шт, 51 оберофиц. и 1879 строевых оставлено. См. таблицы

Таблица 1

	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Рядовых	Нестроевых
Из России	1	17	129	1348	Относительно нестроевых сведений не имеется
Из Суздальского полка	7	48	171	2252	
Из других полков	1	2	–	–	
Итого	9	67	300	3600	

Переведено из Тенгинского полка

Таблица 2

¹¹ Из годовых рапортов Тенгинского полка за 1819 г. видно, что большинство ран, полученных нижними чинами в сражениях, относились к разряду штыковых и сабельных.

¹² В деле № 6960 за 1819 год. Архива Управления Владикавказской бригады, имеется собственноручное расписание Ермолова с его пометками; архив Кавказского воен. округа. Исходящий секретный журнал за 1819 год. Гизетти. «Хроника Кавказских войск». Впоследствии об этом был отдан приказ по отдельному Грузинскому корпусу от 4-го ноября 1819 года за № 37.

В кадр Суздальского полка	5	25	14 фельдф.	и ротных каптен.	С офицерами переведена и состоящая при них прислуга
В другие полки	1	9	34	344	
Итого	6	34	48	344	

Из этой таблицы видно, что во вновь укомплектованном Тенгинском полку состояло 72,5 % офицеров Суздальского, 23,6 % Тенгинского и 3,9 % других полков; строевых нижних чинов: Тенгинского 37,9 %, Суздальского 62,19 %.

Распоряжением генерала Ермолова почти все офицеры, пришедшие в общем составе полков, должны были возвратиться в Россию с кадрами. Сделано было это, очевидно, в том расчете, чтобы Кавказские войска не потеряли офицеров уже знакомых с особенностями ведения горной войны и нравами противника. Генерал Ермолов этим особенно дорожил. Тем не менее 18-ти коренным офицерам выпала честь остаться в полку и, таким образом, передать в потомстве основные традиции и боевые предания тенгинцев. Вот их имена: майор Принц, капитан Кашутин, штабс-капитан Алехин, поручики – Шликевич, Машонов, Сорнев, Никшич, подпоручики – Куприн, Нейман, Круль, Машевский, Квятковский, Карякин, Баукеев, прапорщики – Кирьяцкий, Акатьев, Сабунаев и Зайончковский¹³. Командир пришедшего на Кавказ Тенгинского полка полковник Оранский возвратился с кадрами в Россию, а вновь сформированный Тенгинский полк принял полковник Максимович, бывший до того командиром Суздальского полка. Высочайшего приказа о переводе офицеров обоих полков не было отдано, отчего и произошла невыразимая путаница.

Нижние чины Суздальского полка долго не могли свыкнуться с мыслью, что они теперь тенгинцы, да оно и понятно: полковой командир остался тот же, те же должностные лица сидели на своих местах и по-прежнему отправляли свои служебные обязанности. Еще долго в полку одни именовали себя суздальцами, другие тенгинцами и только время могло постепенно сгладить эту рознь.

Какая судьба постигла все имущество тенгинцев, которое было оставлено в гор. Велиже, выяснить не удалось; известно только, что ротные образа и образные суммы, согласно предписанию Ермолова от 9-го ноября 1819 года, переданы были полковнику Максимовичу «по уважению тому, как говорилось в предписании, что почти все люди бывшего Тенгинского полка поступили во вверенный мне полк». Но так как иконы украшались окладами из общих образных сумм, то возвратившимся людям обратно в Россию выданы были деньги согласно стоимости образов.

Как ни проста была сама по себе передача людей из одного полка в другой, но она, начатая 4-го сентября, затянулась слишком на два месяца, вследствие пререканий, возникших между двумя командирами по поводу выдачи сдаточных квитанций. Полковник Максимович предъявлял чрезмерные требования при приеме оружия, патронов, амуниции, накладывая на все браковку и беспрестанно намекая в переписке, что следовало бы позаботиться о присылке «ремонта». Но справедливо ли было требовать полной исправности от разнокалиберных ружей, собранных на поле сражения, которыми вооружен был весь Тенгинский полк. Или взвешивать каждый боевой патрон, когда последние не переделывались в полку с 1815 года и не по вине полкового командира? Не без того, конечно, чтобы к этим недоразумениям не примешивалось и уязвленное самолюбие полковника Оранского, которому обидно было,

¹³ О майоре Принце, капитане Кашутине, шт. – капитане Алехине, полковник Максимович в приказе по Суздальскому полку от 21-го октября 1819 года не упоминает, так как названные офицеры прибыли из командировок гораздо позже.

что ему, герою Бар-Сюр-Оба¹⁴, мечтавшему стяжать лавры и в недрах Кавказских гор, пришлось теперь сдавать полк и самому с кадром возвращаться обратно в Россию¹⁵.

Отношения наконец до того обострились, что начальник дивизии вынужден был вмешаться в это дело и предписал Максимовичу выдать сдаточные квитанции, «не делая перекоров, невместных по службе и не делающих честь не только званию командира полка, но и всякому офицеру, который затеял бы оно»¹⁶

Но к 20-му октября из Суздальского полка был окончательно выделен кадр. Прием и сдача людей были, наконец, окончены и полки с подобающим торжеством обменялись знаменами. На следующий день по Суздальскому полку был отдан следующий приказ¹⁷, закрепивший собою один из важнейших актов жизни полка:

«Согласно предписаниям дивизионного командира, господина генерал-майора и кавалера Сталя 2-го, последовавшим ко мне, вследствие такового ж к нему корпусного командира, господина генерала-от-инфантерии и кавалера Ермолова, основанного на Высочайшей воле Государя Императора, назначенные к переводу и принятые мною в соединение со вверенным мне полком из такового ж Тенгинского пехотного, господина обер-офицера и нижние чины, всего поручиков 5, подпоручиков 5, прапорщиков 5. Подпрапорщиков 21, каптенармусов 7, унтер-офицеров 129, флейтщик 1, барабанщиков 10 и рядовых – 1348 человек, по прилагаемому у сего списку, во означенные по оному роты, первые, т. е. обер-офицеры, впредь до составления о переводе их Высочайших приказов, прикомандировываются, а последние зачисляются уже в списочное состояние по настоящему, а как из числа последних в продолжении приема их два унтер-офицера, 1 барабанщик и 28 рядовых от болезни в Георгиевском военном госпитале и в полковом лазарете разновременно померли, то оные с поименованием в особом списке, без расписания уже по ротам, сим же из полка и выключаются. Сверх того, у сего ж прилагая список 3-м обер-офицерам, 12-ти унтер-офицерам и 96-ти рядовым вверенного мне полка, поступившего в состав кадра Суздальского полка, из коих обер-офицеры только назначены еще к переводу в оную, а нижние чины, как уже совершенно сданы в ведение г. полковника Оранского, то предписываю первых впредь до составления о переводе их Высочайших приказов показывать находящимися при той кадре прикомандированными, а последних из списочного состояния выключить по настоящему.

После того, на основании вышеупомянутых предписаний, полк мне вверенный, как знамена его поступили в Суздальскую кадру, а им принятые таковые из Тенгинского пехотного полка, то с тем вместе принял уже и название вместо Суздальского – Тенгинский, о чем объявляя г. штаб и обер-офицерам и всем нижним чинам, предписываю с сего числа именоваться уже во всех отношениях Тенгинского пехотного полка; причем в дополнение к вышепрописанному даю знать, что полк мне вверенный, вместе с переименованием его, увеличивается и штатным положением чинов, с назначением иметь в составе своем (вместо прежнего числа). – обер-офицеров 60, унтер-офицеров 300, а рядовых 3600, почему и предписываю ротам пола-

¹⁴ За это сражение он был награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

¹⁵ «Уведомляю, писал он в одном из отношений полковн. Оранский, что я не есть столь подчинен, чтобы мог тотчас готов на все ваши (полковника Максимовича) прихоти; я тоже есть командир полка довольно время и был счастлив всегда быть готовым на все неожиданные случайности. Я находился с полком в таких местах, где должен был почасту представляться главнокомандующим и даже лицезреть самого Монарха и доказывал пред высокими лицами не на бумаге, ни обещаниями, а на самом деле мое усердие». Полковник Оранский в 1826 г. был произведен в генерал-майоры с назначением командиром 3-й бригады 22-й пех. дивизии; с 1830 г. состоял комендантом Владикавказской крепости; в 1834 году назначен начальником Ахалцихского пашалыка, в каковой должности состоял до 1837 года, когда за болезнью и ранами уволен от службы.

¹⁶ Полковой архив. Исходящий журнал за 1819 г. дело № 4.

¹⁷ Приказы по Суздальскому полку за 1819 г. дело № 238. При изыскании материалов для истории Тенгинского полка в архиве Кубанского казачьего войска – в гор. Екатеринодаре, был найден остаток архива Суздальского полка с 1788 по 1819 год в количестве 253 дел; в начале 1898 года этот архив был перевезен в гор. Тифлис и теперь хранится в Военно-Историческом отделе при штабе Кавказского военного округа.

гать уже в каждой из них штатное число обер-офицеров 5, исключая должностных, унтер-офицеров 25, а рядовых 300 человек.

Людей, из числа вновь причисленных, под которыми сделаны отметки о местах их нахождения, впредь до прибытия их к полку, показывать в тех же самых местах, где они отмечены».

1-я же и 3-я гренадерские роты, в составе 6-ти обер, 34-х унтер-офицеров, 12-ти музыкантов и 344 рядовых, напутствуемые благословением священника и добрыми пожеланиями товарищей 5-го сентября выступили по Военно-Грузинской дороге в город Тифлис на укомплектование Херсонского гренадерского полка.

Театром военных действий, где предстояло подвизаться нашему полку, был правый фланг Кавказской линии; оборонительная черта тянулась по течению Кубани от каменного моста переброшенного у ее верховья до устья реки Лабы, откуда начинается уже Черноморская кордонная линия. Река Кубань или Пшиз, что означает на языке черкесов «князь рек», начинаясь небольшим источником у подошвы горы Эльбрус, скоро обращается, от массы сливающихся здесь с соседних вершин ручьев, в бурный поток, прорезывающий себе глубокое русло через цепь Черных гор. До каменной башни река, при ширине не более 29-ти сажен и глубине в 4 ½ фута, течет по дну дикого и весьма угрюмого ущелья, сплошь покрытого дремучим сосновым лесом. Миновав немного Верхне-Николаевскую станицу, Кубань с оглушительным ревом вырывается на низменность через скалистые утесы, которые здесь почти сходятся между собою, образуя весьма надежные каменные устои для моста, переброшенного в этом месте через реку. Прорвавшись на плоскость, Кубань, как бы утомленная бешеной скачкой по скалам, мерно катит свои мутные волны сперва с юга на север, потом, поворотив почти под прямым углом на запад, направляется к берегам Черного и Азовского морей, образуя при впадении обширную и болотистую дельту. Ширина реки от укрепления Каменного моста до устья колеблется между 60-100 саж., при весьма изменчивой глубине. Кубань, по выходе на плоскость, начинает отлагать песок, образуя множество островов, мелей и бродов, весьма удобных для переправы; во время же половодий, бывающих весной, летом и осенью, сообщение с противоположным берегом становится возможным лишь с помощью искусственных средств. Из левых притоков Кубани были Большой и Малый Зеленчуки, Уруп, Лаба и Белая, названия которых тесно связаны со всеми набегами наших войск в землю непокорных закубанских народов.

На правом фланге Кавказской линии мы в то время обладали следующими средствами обороны против набегов многочисленных горских племен, живших по ту сторону Кубани. Прежде всего, само местное население, состоящее из кубанских и кавказских казаков, привлечено было к охранению своих собственных станиц и земель. Но главную силу обороны линии составляли действующие войска, соединявшиеся в отряды, как для защиты разных пунктов, так и для движения в земли враждебных нам племен. Помимо всего этого, в некоторых местах построены были крепости и укрепления, прикрывавшие более важные склады боевых и жизненных припасов, служа в то же время опорными пунктами для наших отрядов.

Станицы казаков, ближайшие к Кубани, обнесены были валом с колючками по гребню для более надежного сопротивления. По углам их возвышались бастионы, вооруженные двумя или тремя пушками. Чтобы тесным звеном связать между собою передовые станицы, в промежутках между ними располагались, в расстоянии 6–7 верст, посты на 5-50 человек каждый. Команда здесь помещалась в саманной казарме из двух комнат с сенями, выстроенной посредине двора, обнесенного кругом высоким забором с вышкой над воротами для часового. Близ казармы находилась конюшня для казачьих лошадей, которые почти целые сутки стояли оседланными. Посты разделялись на кордонные и внутренние; первые тянулись непосредственно по берегу Кубани и располагались в местах более удобных для переправы вброд; последние же разбросаны были по самой земле казаков, составляя вторую оборонительную линию. Для лучшего наблюдения за неприятелем и подания своевременных сигналов, между постами днем

ставились пикеты из 2-х-3-х человек, на ночь же они заменялись выдвинутыми далеко вперед в малозаметные места секретами, которые и наблюдали за всеми удобными для неприятеля проходами.

Весь кордон правого фланга линии, ради удобства обороны, разделялся на две части: первая, под управлением г.-м. Дебу, шла от Изрядного источника по Кубани до поста Беломечетского; вторая, под ведением Войска Донского полковника Победнова, шла от Беломечетского поста на Кубани до Беломечетского же поста на р. Малке. Участок подразделялся на 4 дистанции, а эти, последние на 2–3 отделения, под непосредственным заведыванием дистанционных и отделенных начальников. Всею кордонною линией правого фланга командовал начальник 19-й пехотной дивизии г.-м. Сталь 2-й.

Передовую цепь обороны содержали донцы, так как поселенных здесь двух линейных казачьих полков – Кубанского и Кавказского – едва хватало для защиты их же собственных станиц. Вторую линию охраны составляли регулярные войска – пехотные полки Тенгинский и Навагинский.

В смысле обороны крепость Константиногорская, где расположились 3-й батальон и штаб-квартира тенгинцев, почти ничем не отличалась от передовых казачьих станиц и также была обнесена земляным валом с глубоким рвом впереди и бастионами по углам. Построенная еще в 1780 году¹⁸, с целью наблюдения за горцами, жившими у подошвы горы Бештау, крепость эта к 1819 году пришла в полное разрушение и едва ли могла представлять серьезное препятствие для неприятеля. Под помещение командира полка и офицеров имелось здесь четыре бревенчатых дома, крытых камышом, с дощатым полом и потолком. Нижние чины двух рот 3-го батальона и мастерские помещались в семи казармах, каждая их двух больших комнат, разделенных сенями¹⁹. Недалеко от дома командира находилась гауптвахта с платформою, высланною досками. Помещение для арестованных офицеров и нижних чинов вырыто было в земле и имело деревянные стены и турлучный потолок, покрытый землею.

Посреди крепости стояло маленькое приземистое здание, ничем не отличавшееся от других построек и только крест, водруженный над соломенною крышею, свидетельствовал, что здесь помещается полковая церковь. Внутренность ее не отличалась роскошью. Простой дубовый иконостас украшен был десятью иконами, писаными красками по полотну. На стенах висело семь образов, среди которых обращал на себя внимание образ св. священномученика Автонома, благословение генералиссимуса Суворова; на престоле красовалось пудовое серебряное Евангелие, с финифтьевыми евангелистами, усыпанное кругом камнями²⁰. Вся церковная утварь не отличалась богатством и в большинстве случаев была медная, посеребренная или позолоченная. Здесь, кстати, нужно заметить, что престольный праздник до 1819 года справлялся у нас в день св. Александра Невского 30-го августа; по соединению же тенгинцев с суздальцами, храмовый праздник последних перешел к нам и стал праздноваться 29-го июня во имя святителей Петра и Павла. Под помещение канцелярии и лазарета отведены были отдельные здания. Все же имущество полка и рот хранилось в трех громадных цейхгаузах. Унылый вид представляла из себя штаб-квартира тенгинцев с ветхими, покосившимися постройками; от частых и сильных ветров камышовые крыши местами были раскрыты; потолки и полы, по донесению командира полка, совершенно сгнили, печи требовали исправления. Стекла в окнах почти все перебиты. Ветер свободно гулял по всем помещениям, увеличивая число простудных больных. 1-й и 2-й батальоны расположены были в Ставропольском и Георгиевском уездах Кавказской губернии. Чуть ли не лучшею стоянкою считалась здесь крепость св. Николая, где стояли штаб 2-го батальона и две роты, но трудно было подыскать место более нездоровое.

¹⁸ Соч. Дебу. «О Кавказской линии с 1816–1826 гг.»

¹⁹ Полковой архив, дело № 4 за 1820 г.

²⁰ Полковой архив, бумаги по казначейской части за 1820 г., дело № 20.

Во время разлития Кубани вода наполняла все укрепление и через окна проникала в жилища солдат. «Болезнь и смертность, – пишет генерал Ермолов в своих записках, – превосходили вероятно»²¹.

Вообще не особенно приветливо встречены были тенгинцы природой. С первых же дней началась осенняя непогода. Пошли дожди, наступили ранние холода, что, конечно, отразилось на здоровье людей и число больных, например, только в трех ротах 3-го батальона в сентябре быстро достигло 118-ти человек; по тесноте помещений люди принуждены были большую часть дня и ночи проводить на дворе, не имея никакой подстилки. Укрываясь изношенными, ветхими шинелями, не дававшими никакого тепла; временное отсутствие в ротах котлов заставляло, кроме того, питаться одним хлебом или кашей, «по какому случаю помянутые нижние чины неизъяснимо должны быть подвержены скорби душевной и бремени болезней»²². Эта скорбь душевная, во время бесконечной долгой службы солдат, без какой бы то ни было надежды увидеть когда-нибудь родные места, принимала иногда тяжелые формы психической болезни, известной под именем «тоски по родине». При мало-мальски безучастном отношении к людям, болезнь эта разрешалась большею частью самоубийством, преступлением, побегом и т. и. Тенгинцам, пришедшим на чужбину и ставшим в совсем новые и тяжелые условия, пришлось, как увидим ниже, дать много жертв этой и другим болезням.

При расквартировании по станицам, казаки с большой неохотой принимали солдат к себе на постой, отводя им в большинстве случаев какой-либо сарай. Но нечто более ужасное и губительное для здоровья представляли из себя землянки, в которых жили нижние чины на передовых постах. Устройство их было крайне незатейливое²³. В земле вырывалась яма, длиной двенадцать, шириной в 21/3 сажени и глубиной в аршин; стены и потолки ее забирались плетнем; сверху все покрывалось камышом; свет в это подземелье проникал через 8 крошечных окон. Внутри помещения устроены были нары, в углу же печь из дикого камня, которая почти никогда не топилась, вследствие дороговизны дров и недостаточному количеству отпускаемых от казны дровяных денег. Испорченный воздух от присутствия большого количества людей и плохая вентиляция делали пребывание в землянке невыносимым. Особенно тяжело было во время ненастной погоды, когда все помещение наполнялось водою и липкою грязью, доходившими по неимению стока почти до нар. Широкая, открытая сверху канава, носившая громкое название «сеней», соединяла землянку с подобной же рода постройкою, где помещалась кухня и маленький цейхгауз. Офицеры наши на постах жили в наружной «столбьянке» из турлука без пола с плетневым потолком и покрытой сверху камышом по решетнику.

В более лучших условиях находились две роты третьего батальона, расположенные в Кисловодском укреплении. Нижние чины размещались в каменных оборонительных казармах; для офицеров имелись отдельные флигели. Укрепление это, построенное всего в 1803 году, находилось как раз в узле соединения всех аробных дорог, шедших из Кабарды и имело назначением прикрывать Кавказские минеральные воды от хищнических покушений горцев. Пребывание здесь во время курса лечения некоторых высокопоставленных лиц сделало Кисловодское укрепление предметом особенных забот кавказского начальства, которое прилагало всевозможные старания для приведения всех построек в укреплении в надлежащий вид, так как в те времена, за отсутствием частных построек, большинство больных располагалось в казармах и офицерских флигелях. Вал укрепления находился в исправности и охранялся со всех сторон часовыми.

²¹ Записки Ермолова, ч. II, стр. 42.

²² Рапорт шт. – капитана Лыкова от 23-го сентября 1819 года. Полковой архив. Исходящий журнал за 1819 год, дело № 4.

²³ Полковой архив, исходящий журнал за 1820 год. Дело № 17.

Местность в районе расположения нашего полка²⁴ как нельзя лучше способствовала хищническим прорывам горцев. Хотя р. Кубань до Баталпашинска и течет весьма быстро и в крутых берегах, но незначительная ширина ее и крайне пересеченная местность левого берега способствовали скрытному приближению неприятеля к нашим передовым постам. От Баталпашинска до устья Урупа течение реки становится уже спокойнее, берега отложе, но правый командует левым и покрыт большей частью или густым кустарником, или же лесом. Этот участок кордона, вследствие обилия бродов, особенно часто был подвержен нападению горцев. Кроме того, здесь, сзади линии, тянутся передовые уступы северных отрогов Эльбруса, образуя три совершенно отдельные группы возвышенностей: Воровсколесские, Круглолесские и Темнолесские. Все пространство между ними и рекой Кубанью покрыто холмами и изрезано множеством оврагов. Что давало возможность горцам малыми партиями свободно пробираться до Темного Леса, недалеко от станицы того же имени, и производить отсюда опустошительные набеги на линию.

Против расположения нашего 3-го батальона лежала Большая Кабарда, занимавшая великолепную равнину между рр. Терек, Малкою и северными отрогами Черных гор.

Кабардинцы, как жители повсюду доступной плоскости были покорены нами раньше других народов Кавказа, но покорение далеко нельзя было назвать полным. В истории наших отношений к этому народу можно было насчитать с их стороны несколько десятков торжественных принятий покорности и столько же измен. В мусульманской этике подобные клятвopреступления не считались зазорными по отношению к «гяурам», какими они считают русских. Для удержания кабардинцев в покорности нами была возведена в черте их расселения целая система укреплений и постов. Но эта мера не могла иметь должного воздействия на племя, которое искони считало себя самостоятельным и лишь «в союзе с Россией». Помимо этого сознания, постоянные волнения вызывались еще турецкими агентами, внушавшими ненависть к России и призывавшими на священную войну против христиан. Это был один из основных догматов ислама, догмат, которым всегдашние наши недоброжелатели на востоке, в Турции и Персии, пользовались, чтобы объединить от времени до времени горцев и создать нам различного рода осложнения на Кавказе.

«Молодые люди знатнейшего происхождения, – пишет Ермолов в своих записках²⁵, вдали в грабежи и разбои и между ними отличался тот, кто более мог наносить вреда русским, нападая на безоружных поселян Кавказской линии и отгоняя стада и табуны».

По счастью, больших набегов кабардинцы производить не могли, потому что свирепствовавшая несколько лет тому назад чума, известная под названием «моровой язвы», обезлюдилась страну; горцы предпринимали лишь мелкие хищнические набеги и этим все время держали наши войска и обитателей Кавказской линии в напряженном состоянии.

Население Большой Кабарды не превышало 30-ти тысяч дворов²⁶. Она управлялась четырьмя княжескими фамилиями: Атажукиных, Мисостовых, Бек-Мурзиных и Кайтукиных. Несколько кабардинских мелких князей, теснимых с одной стороны этими деспотическими родами, с другой – русскими войсками, переселились в разное время со своими подвластными к верховьям рек Большого и Малого Зеленчуков, где и образовали самую враждебную России партию, известную под именем абреков или беглых кабардинцев²⁷.

Одну из высочайших и неприступнейших местностей Кавказа, лежащую между реками Худесом, верховьем Кубани и Тебердою, занимали карачаевцы. Кавказский хребет в этом месте чрезвычайно суров. Покатости его на 40 верст к северу представляют совершенно голые

²⁴ Дубровин. «История войн и владычества русских на Кавказе», т. 1, кн. 1-я.

²⁵ Записки Алексея Петровича Ермолова, ч. II.

²⁶ Соч. Дебу. «О Кавказской линии».

²⁷ Дубровин. «История войн и владычества русских на Кавказе», т. 1, кн. 1-я.

скалы, которые обрывисто спускаются к долинам рек, образуя глубокие ущелья, сплошь покрытые на дне дремучими сосновыми лесами. Воинственное население Карачая, опираясь на свои природные твердыни, всегда могло бы представлять из себя для нас грозную силу, но недостаток удобных мест для хлебопашества и отсутствие удобных пастбищ заставляли их вступать в торговые отношения с поселенными на Кавказской линии казаками.

Своим географическим положением, Карачай отделял закубанские горские народы от кабардинцев и других племен, живших в центре Кавказской линии, не допуская их подавать помощь друг другу и действовать против нас совокупными силами. Хотя карачаевцы и считались с некоторых пор покорными, но все же, для наблюдения за ними у нас было учреждено несколько передовых постов на главных выходах из ущелий гор.

Против расположения двух других батальонов нашего полка раскинулась обширная закубанская равнина, представлявшая из себя громадный треугольник, основание которого опирается на главный хребет гор, течение же Кубани образует остальные две стороны. Средняя часть этой равнины, пролегающая между реками Пшебсом и Лабою, богата лесом и хорошими пастбищами. Зато пространство между Кубанью, Чамлыком и Лабою совершенно безводно, безлесно и изборозжено по всем направлениям балками, в которых воду можно встретить только после сильных дождей. Весь левый берег Кубани был заселен множеством горских племен, известных у нас под названием закубанцев или черкесов²⁸. Долины по левым притокам Урупа, Большой и Малой Теге ни заняты были бесленеевцами; на северо-запад от них, вдоль по течению ручьев Чехурадж, Белогияк и Шеде, жили махошевцы; между рекою Белою и Пшишем – хатукайцы; на север от которых, между Кубанью, Лабою и Белою – темиргоевцы. Весь северный склон главного хребта и пространство между рекою Белой и Суп населяли абадзехи, которые разделялись на нагорных и равнинных. На северо-запад от реки Суп и до Шипса жили шапсуги, а восточнее их, вплоть до реки Пшиша – бжедухи. Наконец, все пространство между низовьем Кубани и Черным морем, а также оба склона Кавказского хребта было занято натухайцами. Почти все черкесские племена разделялись на четыре сословия: князей, дворян, крестьян и рабов²⁹; первые два из них считались совершенно свободными, но княжеские роды имели первенствующее значение. По отношению к России все пользовались свободой действий, но отдельные племена редко соединялись вместе для совокупных предприятий и это обстоятельство сильно ослабляло горцев, а с другой стороны весьма затрудняло окончательное покорение всего Закубанья, так как приходилось иметь дело с каждым родом в отдельности.

Закубанские народы селились аулами, дворов в двадцать каждый, по берегам рек, в глуши лесов, на предварительно очищенных полянах. Поселения отстояли друг от друга очень близко и, нападая на одно, наши войска постоянно сталкивались с жителями соседних аулов, верст на десять в окружности.

Будучи по природе народом воинственным, черкесы владели оружием в совершенстве: кинжал, шашка, ружье и пистолет составляли достояние каждого и в большинстве случаев дарились новорожденному мужского пола по прошествии года. С семилетнего возраста уже начиналось систематическое обучение в разных военных упражнениях и постепенно из чумазого подростка вырабатывался лихой джигит и опытный хищник.

Равнины с превосходными лугами и пастбищными местами, на которых жили кабардинцы, бесленеевцы и темиргоевцы, способствовали развитию коневодства, что выработало из населения хороших наездников, слава о которых гремела по всему Кавказу. Нагорные племена сражались исключительно пешими. «Шапсуг рубака, – говорили сами закубанские жители, – абадзех стрелок, а чеченец за завалом крепок»³⁰). Скалистые ущелья гор давали немного

²⁸ Дубровин. «История войн и владычества русских на Кавказе», т. 1, кн. 1-я. Дебу. «О Кавказской линии».

²⁹ Абадзехи, шапсуги и натухайцы не имели княжеского сословия.

³⁰ Деревянный столб, обмотанный смоляной паклей.

средств к существованию и волей неволей заставляли искать пропитания в набегах; разбойничество, грабеж стали насущной необходимостью, постепенно вошли в обычай горских народов и сделались неотъемлемым достоянием горцев; желание стать предметом народной молвы, которая как эхо отозвалась бы в самых неприступных ущельях гор, составляло цель каждого горца; тот, кто больше награбил русского добра и срезал русских голов, получал большее значение в глазах толпы; его чтили, его слушали на собраниях и ему охотно подчинялись во время набегов.

В большинстве случаев набеги закубанцев на кордонную линию не были проявлением общей народной воли, а носили частный характер, и только нападения на наши станицы и укрепления решались на общих народных собраниях³¹). Обыкновенно какой-нибудь джигит вызывал охотников на лихое предприятие; быстро собиралась партия в пять – десять человек пеших или 20–30 конных, которая и отправлялась в путь; по глубоким оврагам, через едва проходимые чащи пробирались черкесы на хищничество; ночь проводили они на коне, днем отдыхали, искусно избегая встречи с нашими войсками; подкравшись скрытно к берегу Кубани, черкесы начинали высматривать удобное место для переправы и зорко следили за всеми действиями кордонных постов, стараясь точно определить места залегания наших секретов. Выждав удобную минуту, партия переправлялась под покровом ночи вплавь через Кубань. Малейшая оплошность, плеск воды, фырканье лошади открывали замыслы хищников. Зловещее пламя сигнального маяка³² указывало всем о месте прорыва горцев, отовсюду с ближайших постов спешили сюда казаки, форсированным маршем направлялась пехота³³. Быстро вал казачьих станиц унизывался защитниками, начиналась пальба из ружей и орудий, набат церковного колокола призывал женщин и детей укрыться за стенами храма. Тревога начиналась повсеместная, а в это время партия хищников, ограничившись угоном нескольких голов скота, а в счастливом случае захватом кого-нибудь в плен, быстро переправлялась обратно. Чем темнее и ненастнее была ночь, чем завывание ветра сильнее, тем скорее нужно было ожидать нападения горцев. Вечное тревожное ожидание сильно изнуряло войска; ни днем, ни ночью не было никому отдыха; хищники рыскали по всем направлениям, подкарауливая жертву.

Вот какими красками свидетель событий тех времен³⁴ рисует положение дел тогдашней Кавказской линии: «Начиная от среднего Егорлыка, отделявшего землю донских казаков от Кавказской области, путешественника встречали и провожали на станциях рассказами о свирепости черкесов и беспрестанных грабежах и убийствах, производимых ими по самым ближайшим окрестностям. К счастью это были покамест одни сказки. Около ста верст он мог еще проехать не рискуя ни головою, ни чемоданом. Ближе к Ставрополю дело принимало другой оборот; опасность, существовавшая до того в одном напуганном воображении кавказского новичка, обращалась в действительность, быстро возрастающую по мере сближения с Кубанью, Малкой и Терекком, отделявшими линию от неприятельских земель. На ночь езда по дорогам прекращалась для всех, кроме нарочных, которым давали в прикрытии сколько нужно казаков. С рассветом выезжать со станции было менее опасно. Хищники – официальный термин для обозначения горцев, прорывавшихся в наши пределы – редко позволяли себе «шалить», т. е. убивать и грабить, в утреннее время, когда рабочий народ толпами выходил в поле и когда по берегам пограничных рек и по всем дорогам казачьи разъезды отыскивали след – «сакму» разбойников, успевших прокрасться в степь под защитой ночи. Многолюдство грозило немедленным распространением тревоги, а долгий день способствовал казакам преследовать их. Зато последние часы перед закатом солнца слыли, не без основания, самым опасным временем дня.

³¹ Романовский. «Кавказ и Кавказская война», стр. 208.

³² Деревянный столб, обмотанный смоляной паклей.

³³ Романовский. «Кавказ и Кавказская война», стр. 208.

³⁴ Барон Торнау. «Воспоминание о Кавказе и Грузии». Русский Вестник. 1869 г. № 1.

Шайки хищников, скрытно дремавшие в глубоких балках, прорезывающих линейские степи, или в густых лесах, покрывавших берега Кубани и Терека, появлялись там, где их нисколько не ожидали, угоняли табуны и стада, убивали оборонявшихся, хватали в плен беззащитных и под покровом ночи ускользали от погони. В числе несколько сот человек они нападали на крестьянские селения или пытались ворваться в казачьи станицы. Вечерняя встреча в поле с конными людьми в мохнатых шапках, когда, к тому же, лица были укутаны башлыками и у переднего ружья вынута из чехла, редко предвещало добро. Сердце сжималось болезненно, когда в степи неожиданно появлялась шайка подобных ездоков; рука судорожно ложилась на курок ружья или пистолета, и тоску отводило только в счастливом случае, если удавалось разглядеть у них более сапогов, чем чевяк: значит казаки, а не чеченцы или закубанцы. После этого понятно, почему для линейцев с сумерками наступал не покой, а начиналось настоящее томительное бдение: из станичных ворот выезжали заставы и разъездные казаки, резервные съезжались на сборное место, на улицу. Казак не выходил иначе, как с ружьем, вынутым из чехла, и в свою конюшню не заглядывал без пистолета в руках. Черкес, случалось, прокрадется в станицу, заползет на двор к казаку, спрячется под плетнем и ждет, пока кто-нибудь выйдет ночью подложить корму лошади или коровам. Удар кинжалом или пуля отплачивают казаку за мусульманскую кровь, пролитую неведомо каким гяуром, – кто станет разбирать виновного? И черкес исчезал мгновенно, как будто он тут и не бывал».

В таком положении Тенгинский полк застал дела на правом фланге линии в двадцатых годах нынешнего столетия.

Новый командир полка, полковник Максимович, по соединении полков и ухода кадра, объехал места расположения батальонов с целью направить должным образом весь порядок службы. Офицерам, находившимся с командами в казачьих станицах, роздана была особая инструкция, которою они должны были руководствоваться³⁵.

Согласно ее, начальнику пехотной команды подчинялось все население и, в случае набегов неприятеля, оно должно было действовать совместно с нашими войсками. Строго предписывалось офицеру охранять все въезды в селение и ближайшие возвышенности сильными караулами и пикетами; на ночь же высылать патрули, на обязанности которых лежало наблюдать, чтобы кто-нибудь из казаков в пьяном виде не устроил фальшивой тревоги. Офицер ни под каким видом не мог разрешать жителям отлучаться в ночное время из своих станиц и обязан был следить, чтобы скот поселян не распускался по степи и тем не привлекал внимания хищного неприятеля, а собран был в безопасном месте при достаточном прикрытии. Занимаемые полком укрепления: Константиногорское, Кисловодское и Кумский штерншанец, приказано было привести в исправное состояние, т. е. исправить вал и батареи, укрепить ворота, заделать все пролазы и другие проходы. Полковник Максимович напоминал офицерам, «что они те из российского государя воины, которым определено охранять его пределы» и предлагал оправдать доверие высшего начальства. Нижним чинам внушалось, «чтобы они не пренебрегали хищниками и дрались храбро с ними, не указуя им уважения, ибо известно, что подлые сие разбойники не ищут славы, а только добычу». Отправлять нижних чинов куда бы то ни было одиночным порядком строго воспрещалось; нужно ли было отнести пакет в полковую канцелярию, кр. Константиногорскую, сейчас же наряжалась команда из 8-ми человек при унтер-офицере. Неисполнение названных приказаний строго каралось полковником Максимовичем, который при этом не раз подтверждал ротным командирам «командовать ротой не так, чтобы было одно звание ротного начальника, а как требует того служба от исправляющего обязанность сию, и тем не подвергнуть себя строжайшей взыскательности»³⁶.

³⁵ Полковой архив. Исходящий журнал за 1819 г., дело № 110.

³⁶ Архив Суздальского полка. Приказ за 1819 г., дело № 238.

Вообще полковник Максимович, будучи врагом всевозможных наказаний, редко прибегал к ним и старался более нравственно влиять на своих подчиненных, пробуждая в них сознание долга службы. «Порядком текущих дел, говорилось не раз в приказах, держатся оно у устройства, и достоинства каждого из служащих измеряется его делами и поступками».

Что представляло из себя то общество офицеров, к которому командир части принужден был обращаться с подобными наставлениями? В большинстве случаев это были недоучки из дворян, «которые, кроме росейски читать и писать никаких наук не знали», как гласили их формулярные списки. Офицеры же, произведенные из грузинских дворян, «не умели даже говорить по-русски, а писать и того менее»³⁷, Поэтому генерал Ермолов предписал командирам частей, под строгой ответственностью, не представлять таких «чиновников к следующим чинам, не испытав их предварительно в российской грамоте». Но наши офицеры не были сильны в науках, зато были сильны в военном деле. Большинство из них имело за собою большую боевую опытность, принимая участие не в одной кампании. Служба составляла для них все. Хорошо знакомые с бытом солдата, потому что сами начинали военное поприще в этом звании, они умели говорить с ними и руководить их действиями. Конечно, трудная служба на кордонных постах и невозможные условия жизни не могли привлечь в полк молодежь из кадетских корпусов и военно-сиротских заведений; контингент офицеров в двадцатых годах исключительно комплектовался произведенными в это звание за выслугу лет из нижних чинов. Разбросанность полка, кроме того, небольшими командами вдоль по течению Кубани, отсутствие библиотеки и офицерского собрания не могли, конечно, сплотить общество офицеров в одну тесную корпоративную семью и, случалось, многие из них долго не были даже знакомы друг с другом, не имея возможности где-либо встречаться вместе. Большинство офицеров в полку были холостые, что нужно объяснять материальной необеспеченностью.

«Господа офицеры, – говорилось в предписании Ермолова, – при недостаточном своем состоянии женятся на бедных, чрез что являются в службе неисправными», почему при вступлении в брак каждый офицер должен был представить материальное обеспечение, как некоторую гарантию более безбедного существования. Пристойность браков лежала всецело на ответственности полковых командиров; женою офицера могла быть только дворянка и даже дочери своего полкового священника и врача, если не принадлежали к этому сословию, не могли рассчитывать вступить в полковую семью, так как по своему происхождению «не соответствовали званию офицера», и тот, кто осмеливался просить разрешения на подобный брак, «делал уже тем большое неприличие»³⁸.

Положение офицеров и особенно семейных было крайне незавидно; жизнь на постах в тесных и смрадных столбьянках, по которым сквозной ветер гулял совершенно свободно, была очень тяжела. Убийственный климат многих мест Кавказской линии, частые случаи появления чумы, ожидания частых тревог усугубляли нравственное удручение.

Не менее печально было и материальное положение офицеров. Согласно штата 1802 года, штаб и обер-офицерам причиталось в треть (с вычетом на медикаменты и госпиталя):

³⁷ Арх. шт. Кавк. воен. округа. Предписание ген. Ермолова ген. Сталю 2-му. Исходящий журнал. 2-я половина за 1824 г., дело № 235, по дежурству 1-го отд.

³⁸ Полковой архив. Исходящий журнал за 1821 г., дело № 54.

	Жалованья	Стол. денег
Полковнику	390 руб.	1000 руб.
Подполковнику	292 р. 50 коп.	333 ½ р.
Майору	253 р. 50 к.	
Капитану	234 р. 25 к.	
Поручику	195 р.	
Подпоручику	165 р. 75 к.	
Прапорщику	146 р. 25 к.	

В этот оклад входили и денщицы порции – по 2 руб. 43 % коп. в треть на человека. При таком незначительном содержании и при необычайной дороговизне на Кавказе всех предметов самой первой необходимости, жалованья, конечно, не хватало офицерам. Обмундирование обходилось в три раза дороже, чем в остальных местностях России³⁹. Цена на жизненные продукты стояла крайне высокая; приходилось платить: за фунт мяса 8-19 коп., за курицу рубль, за десяток яиц 20–40 коп., фунт простого мыла стоил 30 коп., сальных свечей 26–36 коп., фунт сахара дешевле 1 руб. 50 коп. нигде нельзя было купить⁴⁰. И только «осьмуха» водки хлебной «полугарной», да красного вина продавались по 8–7¹Л коп. Неудивительно поэтому, что при дешевизне спиртных напитков, офицеры на постах «вместо исправности занимались нетрезвостью». Как было выражено в одном из полковых приказов.

Задолженность офицеров в полковые суммы и между собою, и даже нижних чинов была необычайная; расчеты на содержание с 1819 по 1825 год указывают, что половина офицеров не получала и четверти причитавшегося им третнего жалованья, а некоторые офицеры и совсем не видели его. Один из офицеров так доносил командиру полка о своем бедственном положении: «Целый год я не получал ни копейки жалованья и был так несчастлив, что с меня удерживали всегда все содержание. Я не заслужил таких жестоких вычетов, и крайность моя заставляет беспокоить вас и просить оказать свое благодеяние и исходатайствовать мне хотя половинную часть из сей заслуженной мною трети⁴¹. И подобные обращения к командиру части не были исключительными явлениями.

Монотонно и однообразно протекала жизнь офицеров; большинство из них «лишено даже было возможности вести приятную беседу, доставлявшую отдых после трудных упражнений в службе», как писал наш бригадный командир генерал Дебу в своих записках. Отпуска разрешались очень редко, да и то – если на офицере не состояло «казенного или партикулярного одолжения». Об удовольствиях не было помину, и только офицеры рот 3-го батальона находились в этом отношении в несколько лучших условиях. Близость крепости Георгиевской, где сосредоточено было управление главного начальника Кавказской линии, давала им возможность посещать вечера в Дворянском собрании; но нередко случалось, что среди вихря вальса, под звуки полковой музыки, офицера вызывали из зала и через несколько часов он был уже далеко за Малкою, мерно меся липкую грязь⁴². Полкового офицерского собрания не было у нас, не было даже и дежурной комнаты, где бы хотя изредка офицеры могли собираться вместе. Дороговизна, с какою сопряжено было приобретение разных книг, отсутствие отпуска денег от казны на этот предмет, служили причиной тому, что библиотека у нас не была учреждена. Только в 1823 году офицеры полка, пожертвовав добровольно 465 рублей, уполномо-

³⁹ Дебу. «О Кавказской линии с 1816–1826 год».

⁴⁰ Полковой архив. Исходящий журнал за 1819 г., дело № 3.

⁴¹ Полковой архив. Входящие бумаги за 1822 г., дело № 63, рапорт прап. Самуйлова.

⁴² Полковой архив. Исходящий журнал за 1821 г., дело № 54.

чили полкового адъютанта поручика Рашевского выписать некоторые сочинения и непременно новейшие, ибо на Кавказе, как говорилось в общем постановлении, «за редкость попадаются книги моложе семидесяти лет»⁴³.

Приводим здесь интересный список книг, положивших начало ныне существующей библиотеки офицерского собрания Тенгинского полка: Валентин, или беззаботная голова; Сестра милосердия, или разрушение Лиссабона; Янклудский журнал; Варвик, или ужасная жертва честолюбия; Бонапарт на острове св. Елены; сочинения Карамзина; Тайное злодеяние Наполеона; Старик везде и нигде; Леди Елена и леди Анна; Вальтер, или дитя ратного поля; Мария Брабантская; Мои путешествия по пропасти злосчастной; Тайная причина французской революции; Достопамятности в мире; Странствующие музыканты; Критика; Луковин, комедия; Тайное наставление короля прусского офицерам; История о низвержении Наполеона с похищенного им трона, – 6 книг; Черный рыцарь; Любовь и тщеславие.

Вышеприведенные строки довольно полно рисуют картину быта офицеров полка в двадцатых годах нынешнего столетия. Подобная обстановка много лет сохранялась почти без изменения и улучшилась лишь значительно позже, когда Тенгинский полк основался во Владикавказе. Теперешним тенгинцам, живущим в неизмеримо более благоприятных условиях, будет, вероятно, интересно прочесть о том, что вынесли их предшественники, безропотно терпевшие все невзгоды и в то же время беззаветно отдававшиеся службе.

Со времени прибытия тенгинцев на Кавказ и до 1827 года полк комплектовался нижними чинами из внутренних губерний Европейской России: Воронежской, Полтавской, Курской и Рязанской. По прибытии рекрутов их распределяли по ротам и сейчас же приказывали «пробрить им лбы, чтобы они не могли чинить побегов»⁴⁴. Процедура эта производилась крайне просто: новобранца сажали на барабан и полковой цирюльник, вооружившись бритвою, оголял ему половину головы. С этого момента считалось фактически поступление рекрута в ряды полка. Чуть ли не со следующего дня начинали уже новобранцев обучать «смелой и притом цельной стрельбе», чтобы, в случае надобности, можно было их употребить в дело против неприятеля. Но на этот предмет отпуск боеприпасов был невелик: на каждого человека в год полагалось по 5-ти боевых и 30-ти холостых патронов; в 1823 году всего отпущено было в полк по наличному числу 3359-ти человек— 63 пуда пороху и 31 пуд свинцу, причем Георгиевским парком из этого числа удержано за укупорочный материал (бочки, циновки и веревки) 2 пуда, 5 фунтов и 48 золотников пороху⁴⁵. Неудивительно потому, что стрельба в полку не могла быть доведена до степени совершенства и меткость была очень незначительна.

По разбросанному положению полка и неимению приспособленных помещений, учения не велись систематически, подобно тому, как это делается теперь и вполне зависели от усмотрения ротных командиров, хотя приказом по полку и предлагалось: «по наступлении теплого времени, учить нижних чинов, как экзерсии, так и прочим маневрам, употребляя на сие, сколько буде возможно, времени и каждый день два раза»⁴⁶.

Осенью, в первый же год прихода полка на Кавказ, бригадным командиром генералом Дебу был произведен строевой смотр, результаты которого были не особенно блестящи. В приказе было отдано: «Нижние чины несовершенно выправлены в позитуре, ружейные приемы неверны и вялы; при пальбе люди медленно заряжают с порохом ружья. В построениях разных эволюций, как унтер-офицеры, так и рядовые крайне торопятся, мешаются и тем производят во фронте беспорядок и самый разговор». В общем, инспектирующий находил, что «строевое учение и обучение нижних чинов к цельной стрельбе, по частому движению войск и употреб-

⁴³ Полковой архив. Исходящий журнал за 1823 г., дела № № 108 и 142.

⁴⁴ Приказы по 1-му бат. за 1821 г. № 3. Дело № 98.

⁴⁵ Полковой архив. Чернов. Бум. по казнач. части за 1820-24 гг., дела № № 12 и 924.

⁴⁶ Арх. Сузд. Полка. Приказы за 1819 г., дело № 238; полк. арх. рот. бум., д. № 98.

лению значительного числа оных на разные казенные работы, до совершенного познания не доведены». Но зато служба в полку отправлялась должным порядком, «субординация соблюдается без послабления, воинский артикул нижним чинам читается и нравственность соблюдается хорошо». Таким образом, начальство не особенно строго относилось к тенгинцам, находя всегда какое-нибудь оправдание неуспешной постановке строевого обучения. Это наблюдалось не только у нас в полку, но и во всей Кавказской армии и вызывалось условиями боевой жизни. Сам генерал Ермолов запрещал изнурять нижних чинов фронтowymi учениями, что подало повод некоторым современникам обвинить его в либеральном образе мыслей, «явно, по их мнению, баловавшего войска»⁴⁷.

Для подготовки хороших унтер-офицеров и правильной постановки строевого образования при штаб-квартире полка существовала учебная команда, куда люди назначались «не вялые и с надлежащею фигурою»; ротные же командиры в обучении нижних чинов во всем должны были сообразовываться с постановкою дела в названной команде, для «единообразного упражнения, в ружейных приемах, маршировке и в разных построениях батальона»⁴⁸. При штабе же дивизии в гор. Георгиевске, учрежден был учебный батальон, пополняемый людьми 20-й пехотной дивизии⁴⁹.

Вооружение нижних чинов до 1820 года состояло из ружей разных калибров и разных происхождений; тут были ружья английские, французские, австрийские, собранные на полях сражений и русские *IY2* и 8-ми линейные тульского изготовления. В 1820 году последовало Высочайшее повеление вооружить полки одной дивизии ружьями одного какого-либо образца, вследствие чего тенгинцы были снабжены семилнейными гладкоствольными ружьями, со штыком и кремневым замком тульского завода «старого положения»⁵⁰.

Форма одежды Кавказской армии сначала ничем не отличалась от таковой же в России и была, по словам Ермолова, «единообразна, как для знойной Грузии, так и для Камчатки ледовитой», т. е. совершенно не приспособлена к климатическим условиям края. Нижние чины Тенгинского полка носили кивера, мундиры с фалдами и белыми погонами, шаровары навыпуск при коротких сапогах. На просьбу генерала Ермолова о перемене формы обмундирования не последовало ответа. И он своей властью разрешил носить папахи, полушубки, длинные сапоги и сухарные мешки вместо ранцев, чем еще более умножил число своих врагов. Чтобы установить один покрой мундирной одежды во всей армии, Государь Император в 1819 году повелеть соизволил сделать в комиссариатском депо для каждой дивизии по одному образцовому пехотному и егерскому мундиру и прочей одежды и амуниции, с личною Его Величества печатью на каждой вещи. Эти образцы препровождались по очереди в полки, сообразно чему и производилась постройка всего обмундирования. На основании же этого повеления, через определенные сроки из нашего полка командировался в Петербург один рядовой для обучения закройщицему мастерству.

В май 1820 года полковник Максимович, переведенный по болезни в Астраханский гарнизонный батальон, простился с полком. Новым командиром был назначен полковник Тихоцкий 2-й, пребывание которого в полку было ознаменовано особой заботливостью об улучшении солдатского быта, в чем действительно чувствовалась крайняя нужда.

Отдавая должное памяти полковника Максимовича, как образцовому командиру части, нельзя не поставить ему в упрек того, что он не сумел спаять двух разнородных элементов, из которых составилась вновь преобразованный Тенгинский полк. Сам суздалец, он везде и

⁴⁷ Соч. Погодина. «Материалы для биографии Ермолова».

⁴⁸ Арх. Сузд. полка. Приказы по полку за 1819 г, дело № 238.

⁴⁹ Приказ по войскам Кавказской линии 10-го октября 1819 г, дело № 51.

⁵⁰ Записки Ермолова ч. II, стр.70.

во всем отдавал суздальцам преимущество перед тенгинцами и тем еще более разъединял их между собою. То, что не смог сделать полковник Максимович, легко сделал его преемник.

Аким Михайлович Тихоцкий 2-й, назначенный Высочайшим приказом от 31-го мая 1820 года из Грузинского гренадерского полка нашим командиром, происходил из дворян Слободско-Украинской губернии и поступил на службу в 1796 году чином сержанта. Это был человек уже не молодой, с большой служебной опытностью, прошедший почти всю свою жизнь на Кавказе и изучивший хорошо быт солдат. Сознывая, что каждая военная часть сильна только своим внутренним единством, он одним из первых своих приказов строго запретил во внутренней переписке употреблять выражения: «офицеры бывшего Суздальского, что ныне Тенгинский», «нижние чины расформированного Тенгинского полка» и т. п. – теперь все тенгинцы и другого названия в полку не должно быть. Печать суздальцев, которою продолжали припечатывать казенные конверты, приказано было заменить печатью Тенгинского полка. Желая установить порядок и поддерживая строгую дисциплину, Тихоцкий малейшие проступки со стороны подчиненных не оставлял без наказания, резко отличаясь этим от своего предшественника. Донес не во время кто-либо о случившемся происшествии, отправил ли больных не с должным числом конвойных, не явился ему офицер по прибытии в штаб-квартиру полка – все ставилось сейчас же на вид, виновный подвергался аресту. Конечно, не особенно легко было привыкать к новому режиму, но, в конце концов, все осознали благоразумность новых требований и порядок везде установился образцовый, за что не раз объявлялась благодарность полковнику Тихоцкому «в коем, говорил Ермолов, я уважаю всегдашнее его усердие к службе».

Но предметом особенного внимания и забот нового полкового командира был солдат и его семья. Трудно приходилось тенгинцам первое время: непривычные ни к климату, ни к условиям жизни, они в большинстве случаев гибли в борьбе с природою. Прибавьте сюда частые форсированные переходы, продолжительное пребывание на казенных работах, свыше 8-ми часов в сутки, плохое питание и неудивительным станет, что лазареты постоянно были полны больными и синодик полковой церкви рос неимоверно.

В годовых рапортах с 1820 по 1827 гг., т. е. за время пребывания тенгинцев на Кавказской линии, до начала персидской войны, рельефно рисуется гигиеническое состояние полка и интересным является сопоставление числа убитых нижних чинов с числом умерших.

	Убито в перестрелках с горцами	Умерло от болезней
В 1820 году	1	364
1821	7	403
1822		277
1823	1	91
1824	1	64
1825	Неизвестно	
1826	1	90

Таким образом, в столкновениях с неприятелем гибло очень мало, но зато злокачественная лихорадка и чахотка уносили сотни жизней. Особенно много смертных случаев было в первые три года пребывания нашего на Кавказе: затем цифра стала убывать, вследствие улучшения санитарного состояния полка, так как в некоторых укреплениях люди стали размещаться во вновь выстроенных саманных казармах, многие посты, отличавшиеся своим нездоровым климатом, перенесены были на новые места; кроме того значительно улучшено питание назначением двух мясных и двух винных порций в неделю. Для пользования от болезни нижних чинов и их семейств учрежден был полковой и батальонные лазареты – первый на 105, а последний

на 21 человек⁵¹. И при всем том число больных почти всегда превышало в 4 раза положенное количество мест; многим не хватало коек, почему они и располагались прямо на полу. В виду того, что в лазарете находилось по одной палате, больные не только не изолировались по роду болезней, но даже женщины не отделялись от мужчин, вследствие отсутствия отдельных помещений. На каждого больного отпускалось от казны по 50-ти., а на женщину по 40-ка копеек в сутки; эти деньги выдавались на руки полковому командиру, который и расходовал их по своему усмотрению. Помимо этого за пребывание в лазарете «на казенной порции» удерживалось с каждого больного половинная часть причитавшегося ему жалованья:

	Получали в треть		В день	Удерживалось в лазаретн. суммы.
	Руб.	Коп.	Коп.	Коп.
Полковой писарь	19	60	16, 4	8, 2
Фельдфеб. и батал. писарь	12	41, 25	10, 34	5, 17
Младш. унтер-офиц	4	57, 25	3, 8	1, 9
Гренадеры	3	30	2, 75	1, 37
Мушкетеры	3	13, 5	2, 6	1, 3
и т. д.				

Большая заболеваемость и смертность среди нижних чинов Тенгинского полка, вынудили начальника дивизии г.-м. Сталя командировать в начале 1821 года одного штаб-лекаря для выяснения причин этого явления. Помимо неудовлетворительного состояния полкового и батальонных лазаретов, обнаружено было, что нижние чины присылались сюда только тогда, когда болезнь принимала уже острый характер; кроме того, недостаток врачебного персонала заставлял иногда поручать лазареты в заведывание младшим и старшим фельдшерам с крайне ограниченными познаниями в медицине, отчего еще больше увеличивалось число смертных случаев в полку.

Полковнику Тихоцкому на первых же порах пришлось столкнуться с этим острым вопросом. Он неоднократно требовал, чтобы при ротах не задерживали больных и своевременно отправляли в лазареты. Однако, строго винить за это ротных командиров было нельзя: согласно предписаний высшего начальства, для сопровождения больных нужно было наряжать конвой от 8-ми до 25-ти человек. При большом ежедневном наряде на посты и казенные работы; негде было взять такого количества людей; приходилось поджидать, когда наберется несколько человек, чтобы сразу отправлять их при достаточном конвое. Да и сами нижние чины с большою неохотою шли в лазареты, предпочитая лучше умереть при своей роте.

Число побегов со службы, как естественный результат неприглядной обстановки, в начале было тоже очень велико, так:

⁵¹ Полковой архив 1820 года, дела № № 1, 13 и 20.

В 1820 году бежало	55 чел.
1821	36
1822	29
1823	21
1824	не было
1825	не было

И это явление отчасти вызывалось, как видно из судных дел того времени, непривычною к новой обстановке и тоскою по родине⁵². Величаво угрюмая природа Кавказа производила тяжелое гнетущее впечатление на новых пришельцев из России и они сильно тосковали по простору полей далекой родины. Особенно много в бегах бывало в ротах 3-го батальона, команды которого стояли по постам у выхода Кубани на плоскость. Глухой рев реки, дрожание окружающей почвы от стремительного натиска волн, голые скалы вокруг, – все производило подавляющее впечатление, хотя с другой стороны, частые случаи побегов можно объяснить тем, что в кавказские войска присылались на укомплектование «разного рода бродяги и уже несколько раз наказанные люди»⁵³. Генерал Ермолов неоднократно обращал на это внимание военного министра, прося довести до сведения Государя. По всей вероятности получен был благоприятный ответ, так как в приказе по корпусу от 6-го апреля 1817 года говорилось: «Отныне в славных рядах храбрых солдат Грузинского корпуса не станут недостойные разделять с ними труды их и славу». Но все же долго еще продолжали присылать штрафованных нижних чинов и только в 1823 году вторично состоялось Высочайшее повеление не только не назначать порочных людей в Кавказскую армию, но, наоборот, переводить даже в 7-ю пехотную дивизию нижних чинов, наказанных за побег и другие преступления – «кои ненадежны служить в отдельном Кавказском корпусе»⁵⁴.

Одною из мер уменьшения числа побегов со службы, была плата черкесам по десяти рублей за каждого предьявленного беглеца; эти деньги, равно как и стоимость снесенных вещей удерживалась из содержания ротного командира; все эти меры имели благие последствия и число побегов со службы значительно уменьшилось⁵⁵. За разные воинские проступки взыскивали очень строго: первый побег наказывался прогнанием сквозь строй один раз через 100 человек; второй – два раза, третий – три раза с ссылкой в рудники. За маловажные проступки: кратковременную отлучку со службы, пьянство, мелкое воровство и т. д. виновного приказывалось «бить перед разводом палками», причем менее двухсот ударов никому не назначалось.

С целью заселения края русским элементом, Алексей Петрович Ермолов еще в 1819 году просил Государя Императора о высылке на казенный счет семейств нижних чинов; подобная мера еще вызывалась тем обстоятельством, что вследствие отсутствия женского элемента, нижние чины мало по малу «начали усваивать себе магометанскую безнравственность, обходящуюся без женщин»⁵⁶. Когда прибыла первая партия солдатских жен, то обрадованные мужья и отцы открыли такую пальбу из пушек и ружей, что с соседних постов прискакали резервные казаки, предполагая прорыв горцев через цепь наших постов⁵⁷. Во все время пути, до места расположения полка, семействам нижних чинов выдавались кормовые и порционные деньги;

⁵² Полковой архив, военно-судные дела за № № 339, 606, 788, 1969 и 1136.

⁵³ Соч. Дебу «О Кавказской линии».

⁵⁴ Полковой архив, дело № 83. Входящие бумаги по команде за 1823 год.

⁵⁵ Полковой архив, дело № 83. Соч. Дебу «О Кавказской линии».

⁵⁶ Записки Бриммера, стр. 84.

⁵⁷ Полковой архив за 1820 г. Входящие бумаги № 10. Центральный архив пр и управлении начальника владикавказской местной бригады, по валовой описи дело № 12216.

с прибытием их к ротам казенная выдача прекращалась и они сами изыскивали способы пропитания, что сразу ставило их в критическое положение и «вынуждало их просить милостыню, претерпевая в пище крайнюю нужду», как доносил об этом один из ротных командиров. Для постройки землянок, загонов для скота и прочего обзаведения, женатым нижним чинам разрешалось вырубать нужное количество леса за р. Кубанью, против Татарского поста. Размещались в одной землянке по несколько семейств и сообща покупали лошадь и корову. Но зима в 1820 году была очень суровая, запасов и сена не было, приходилось питаться одною капустою и только более зажиточные к этому в состоянии были добавить еще и картофель. Полковник Тихоцкий, входя в положение семейных нижних чинов, приказал им первое время выдавать экономическую муку из полка. Кроме того строжайше подтвердил ротным командирам, «сколь возможно доставлять женатым рекрутам возможные способы к работе». На основании этого, солдатские жены, с согласия мужей, отпускались на заработки в казачьи станицы; при этом им выдавались билеты за подписью командира полка, казенною печатью, с точным прописанием, в какие селения увольняются и на какой срок⁵⁸. При существовавшей тогда рабочей плате от 50-ти до 80-ти коп в день на хозяйских харчах, обстоятельства женатых рекрут скоро стали поправляться и благосостояние их возрастать, тем более, что и само высшее начальство шло навстречу их нуждам, наделяя семьи скотом и баранами, отбитыми у горцев. Каждый месяц батальонные командиры обязаны были доносить в штаб полка «не нуждаются ли семейные солдаты в потребностях жизни, имеют ли жены их какую-нибудь промышленность и обзаводятся ли хозяйством». Строго следя за нравственностью, полковник Тихоцкий предписывал по выступлении рот в поход «не оставлять женщин без надзора»; назначавшийся для этого унтер-офицер еженедельно рапортовал начальству «о благосостоянии, о здравьи и о затеях солдатских жен»⁵⁹. «Но и при этой строгости, – говорит современник, – конечно, «примеров целомудрия и супружеской верности не надо было искать в полковых штаб-квартирах⁶⁰. Не меньшая забота проявлялась и о вдовах нижних чинов. Приказом по полку ротным командирам предлагалось «приискывать им женихов из рядовых или рекрут, но не против воли, а имеющих к тому желание». Жениться на казачках, солдатских дочерях и вдовах других полков строго воспрещалось, «ибо воля главного начальства была, – как говорилось в приказе, – чтобы нижние воинские чины, расположенные к женитьбе, брали за себя из полка, в коем служат, рекрутских вдов»⁶¹. На всех сирот обоего пола, до семилетнего возраста, требовалось от провиантского ведомства половинная дача провианта и деньгами по одному рублю в месяц; с 12-ти лет отпускалась уже полная дача и сиротское жалованье в размере 3-х рублей в треть⁶². С начала женатые солдаты распределялись по всем ротам. Неудобства, от этого проистекшие сказались очень скоро: при непрерывных передвижениях рот с одного места на другое, семейные нижние чины вынуждены были продавать за бесценок свои землянки, дома, прочее хозяйство и обзаводиться тем же на новых местах; это конечно подрывало благосостояние их, тем более, что начальство не разрешало передавать имущество в частные руки. Только в 1825 году, согласно приказа генерала Ермолова, все женатые солдаты соединены были в каждом батальоне в одну роту и поселены при батальонных штабах. Здесь им отведены были участки земли и отпущены от казны средства на устройство хозяйства. Женатая рота нашего 3-го батальона поселилась близ Кисловодского укрепления, где сразу возник поселок вокруг «Кислого источника».

Забываясь о благосостоянии минеральных вод, генерал Ермолов составил строительную комиссию; председателем ее назначил командира 3-го батальона Тенгинского полка; членами

⁵⁸ Полковой архив. Исходящий журнал за 1822 г., дело № 68.

⁵⁹ Полковой архив. Входящие бумаги за 182 г., дело № 63.

⁶⁰ Записки Бриммера. стр. 86

⁶¹ Полковой архив. Исходящий журнал за 1822 г., дело № 63 и 68.

⁶² Высочайше утвержденное распоряжение государственного совета от 16-го января 1811 г.

– одного архитектора и трех наших офицеров. Места под постройки на «главном проспекте», разрешалось раздавать даром желающим из обывателей Кавказской губернии, отдавая преимущество офицерам Тенгинского полка. Комиссия строго должна была следить, чтобы все дома возводились на каменном фундаменте и под железными или из теса крышами, имея по наружному фасаду не менее пяти окон. С целью доставить посетителям какое-нибудь увеселение, предписано было возможно поспешнее возвести временное строение для «ресторации, с одною большою комнатою для танцевания»⁶³. Все работы по постройке ванн, казенных гостиниц, флигелей, рестораций производилось исключительно руками нижних чинов нашего 3-го батальона, при участии полковых подъемных и артельных лошадей. За каждый день работ выдавалось всем по 10-ти копеек из сумм на «возведение кордонных укреплений на кавказской линии»; мастерские нижние чины получали отдельную плату, соответственно производимой ими работы.

Смотрителем «кислых минеральных вод» до 1824 года состоял воинский начальник Кисловодского укрепления, командир 3-го батальона Тенгинского полка; он же официально числился почтмейстером; принятая им денежная корреспонденция заделывалась в тюки и на вьюках отправлялась два раза в неделю в полковую канцелярию, а оттуда рассылалась уже на соответствующие тракты. По наступлении курса лечения на минеральных водах, находившаяся здесь рота нашего полка укомплектовывалась почти вдвое. От нее наряжались нижние чины для исправления полицейских обязанностей, для наблюдения за гостиницей и чистотою ванн и т. п.

Когда же больные переезжали из Кисловодска в Железноводск, то рота наша конвоировала их в пути и охраняла во время курса лечения. Тогда в Железноводске, кроме одного казенного дома в восемь комнат, никаких других построек не было. Больные обыкновенно размещались по палаткам и ногайским кибиткам; вокруг разбивался лагерь роты тенгинцев, от которой и выставлялась цепь постов. Таким образом, тенгинцы были пионерами в деле устройства нынешних знаменитых минеральных вод. Теперешние посетители нашего курорта вероятно с трудом могут представить себе, что было время, когда делали моцион под охраной вооруженной стражи, а прием целительных ванн мог быть ежеминутно прерван тревогой и, приходилось тогда выскакивать полуодетым и бежать под защиту конвоя.

И другие батальоны нашего полка, помимо военных действий, принимали самое деятельное участие в производстве общественных работ. На Кавказе в то время не было ни благоустроенных городов, ни сносных помещений для офицеров и нижних чинов, отсутствовали госпитали, а пути сообщения представляли из себя нечто ужасное. На все нужны были рабочие руки, а в них в то время ощущался большой недостаток; приходилось по необходимости пользоваться услугами войск.

Тенгинцами, например, возведен госпиталь в крепостях Константиногорской, Темнолесской и Кумском штерншанце, разработана кабардинская дорога и т. д., не говоря уже о том, что над постройкой новых укреплений и постов в районе расположения полка, постоянно трудились наши солдаты. Заступ, лом, топор и коса почти не выпускались из рук, а заряженное ружье всегда перекинуто было на ремне через плечо для скорейшего отражения хищного неприятеля. Работа кипела повсеместно: там взрывали камни, там подваливали чудовищные деревья, там косили траву, выжигали кирпичи, угли, и все это нередко делалось под свист горских пуль. Рота в сборе бывала только в походе; в остальное время ротный командир видел около себя одних должностных нижних чинов, так как все люди разбросаны были по постам или же находились на казенных работах, и даже в Светлый Праздник большинство солдат ожидало на постах прибытия полкового священника с походною церковью, который сразу исповедовал, причащал и

⁶³ Полковой архив. Входящие бумаги 3-го бат. за 1821 г, дело № 46. Акты кавказской археографической комиссии, т. П ч., 2-я, стр.624.

служил краткую заутреню, иногда спустя уже несколько дней после праздника. Кусок черного сухаря, немного мяса, да водка полугарная составляли все разговение нижних чинов и только офицерам с большим трудом и за баснословную цену удавалось раздобыть несколько десятков яиц⁶⁴.

Развлечений не было никаких. Неудивительно, что поэтому ярмарка в Георгиевске и Ставрополе составляли событие, о котором нижние чины говорили задолго до открытия их. Каждый с нетерпением ждал, отпустят ли его в э том году потолкаться среди балаганов с заезжими петрушками или между рядами лавок с красными товарами и всевозможными яствами. О ротных библиотеках не было и помину. Вероятно по причине незначительной грамотности. Так, из прибывших в 1821 году 394 рекрут читать умело всего два человека⁶⁵. Единственным чтением в ротах служили книги Нового Завета, пожалованные нашему полку в 1820 году Государем Императором Александром I, в количестве тридцати экземпляров, по десяти на каждый батальон.

Ротное хозяйство с прибытием полка на Кавказ сразу стало значительно увеличиваться; вместо одной артельной лошади появилось в ротах несколько запряженных троек, пары две-три рабочих волов и стада овец, овчина с которых шла на полушубки. И высшее начальство не только не запрещало, но даже поощряло развитие хозяйства: условия, в которых находились кавказские полки, требовали, чтобы роты были вполне самостоятельны в своем хозяйстве. Где здесь ожидать было своевременного подвоза подрядчиком продовольственных припасов, когда расстояние от штаб-квартиры до стоянки рот нередко достигало 200 и более верст, когда разлитие рек и глубокие снега, заваливавшие горные тропинки, зачастую совершенно прекращали сообщение с окружающим миром. Нужно было всегда самим заботиться о своем продовольствии, чтобы не стать в безвыходное положение.

Вообще, следует заметить, что тенгинцы попали на Кавказе в весьма суровые условия, несравненно более тягостные чем те, которые приходилось испытывать до сих пор. Но время, а главное пример новых однополчан, бывших суздальцев, уже обтерпевшихся, скоро приучили к присущей кавказским войскам выносливости и находчивости в устранении разного рода невзгод. Вместе с тем, упорная война с горцами, постоянные совместные походы, бивачная жизнь постепенно выработали в высшей степени своеобразные отношения между офицерами и нижними чинами нашего полка. «Власть не давила солдат и они ее не чувствовали. Отсюда – безграничное уважение к ней, соперничество в военных доблестях, сыновняя любовь к начальству»⁶⁶. Это тоже составляло особенно характерное явление, свойственное кавказским войскам, и как драгоценный завет традиционно сохраняющееся до наших дней.

⁶⁴ Полковой архив. Исходящий журнал за 1821 г., дело № 16

⁶⁵ Кавказский сборник, т. II, стр. 390.

⁶⁶ Кавказский сборник, т. II, стр. 390.

Глава 2

Боевая деятельность полка на Кавказской линии. Первые потери. Набеги и экспедиции. Ермоловская система просек. Набег в Чечню. Очищение Ханкальского ущелья. Майор Курило. Набеги в Кабарду в 1821–1822 годах. Действия 1-го и 2-го батальонов. Прибытие генерала Вельяминова. Знаменитый его приказ. Движение к верховьям Лабы. 1824 год. Спокойствие на линии. Эпизод во время сатовки в Прочном Окопе. Действия в 1825 году против «беглых кабардинцев». Постройка укрепления на Белой. Действия на рр. Шагуат, Кинджал. Хасаут. Обострение дел на линии и с Персией. Причины войны. Кончина Александра I и воцарение Николая I. 1826 год. Разрыв с Персией. Общий очерк военных действий. Подготовка полка к походу. 1827 год. Смена Ермолова. Отзыв Дибича о ермоловских войсках. Выступление полка в поход. Сагинов. Претензия, заявленная офицерами. Коммуникационная линия. Тыловая деятельность полка. Смертность в полку. Наступление за Араке в 1827 году. Сдача Ардебиля. Конец войны. Деятельность батальонов во время турецкой войны. Полковник Лисаневич. Его заботы об улучшении санитарной части. Обратное выступление полка на линию. 1830 год. Деятельность 3-го резервного батальона за последние три года. Участие батальона в карачаевской экспедиции. Приход действующих батальонов на линию. Смерть генерала Фролова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.